

Цан Мо мельком взглянул на мужчину — тот стоял с глуповатым видом, в глазах читалось искреннее изумление. Цан Мо рассмеялся еще громче. С его кукольным лицом он сейчас походил на маленького дьяволенка, который только что провернул удачную пакость и теперь с торжествующим видом демонстрирует свои клыки, хвастаясь успехом.

Цан Мо даже не догадывался, что в глазах мужчины он выглядит как оживший «чиби-демон». Заметив, что тот окончательно растерялся, Цан Мо вскинул брови и с гордостью произнес:

— Что, испугался моей реакции? Если даже такой человек, как ты — с твоим-то эмоциональным дефицитом — принял это за чистую монету, то что говорить о тех двух амебах? Особенно о Жун Чжэци. Он наверняка решил, что я в него по уши влюблен. Ха-ха, сама мысль об этом забавляет.

Еще мгновение назад он картинно истерил, а в следующую секунду уже вернулся к своему привычному развязному облику. По правде говоря, с момента потери памяти мужчина впервые встретил человека, столь переменчивого и непостижимого, как Цан Мо. Однако это его не пугало — наоборот, нынешний Цан Мо казался ему ослепительным и притягательным.

«Человек с эмоциональным дефицитом» — такой диагноз Цан Мо поставил своему сиделке после недели наблюдений. Тот, кроме смены повязок и протирания тела, целыми днями неподвижно сидел на диване, лишь следя за состоянием Цан Мо, и совершенно не проявлял интереса к тому, что происходит снаружи.

Незаметно пролетело полмесяца. Все это время родители Жун Цзысюаня, Жун Анькан и Ли Цинлянь, время от времени навещали его в больнице.

Сиделка помнил, как в самый первый раз супруги Жун выглядели изможденными — было видно, что они сбились с ног, пытаясь уладить дела. Но даже слепой заметил бы, как сильно они любят своего единственного сына. Несмотря на то что они были буквально прикованы к делам, пытаясь спасти Клан Жун, они тут же примчались в больницу, как только услышали, что Жун Цзысюаня кто-то обижает.

Позже они, казалось, смирились с неизбежным: перестали бегать по делам и лишь каждые несколько дней приходили в больницу, принося с собой питательные добавки.

Внешний мир гудел слухами: крах Клан Жун — дело решенное. Говорили, что даже супруги Жун опустили руки и ждут банкротства, предпочитая тратить время на своего никчемного сына-транжиру, вместо того чтобы бороться за остатки капитала.

Услышав это, акционеры в панике начали сбрасывать акции по бросовым ценам. Меньше чем за неделю акции упали до предела. Те, кто хоть немного колебался, не успели их продать и теперь кусали локти, жалея, что не сделали этого раньше.

В городе Н из-за краха Клан Жун бушевала буря, однако в палате люкс одной из частных

клиник класса А царило веселье. Семья Жун, которая должна была находиться в эпицентре катастрофы, мирно обсуждала неловкие случаи из детства. Единственный посторонний в комнате — сиделка — тихо сидел в стороне, но его внешность и аура не позволяли игнорировать его присутствие.

Впрочем, уютные моменты всегда прерываются нехстати. Ли Цинлянь как раз рассказывала, как в детстве Жун Анькан напраказничал и дедушка Жун Цзысюаня отхлестал его ремнем, когда в дверь постучали.

Сиделка открыл дверь. На пороге стояли незванные гости — Жун Чжэци, державший в руках документы, и Цзи Сяонань. Вид четы Жун их ничуть не смутил.

Жун Чжэци, давно разорвавший все связи с семьей, вел себя как невоспитанный наглец. Он даже не удостоил вежливым приветствием людей, которые его вырастили. Цан Мо, увидев эту мерзкую физиономию, с которой Жун Чжэци смотрел на супругов Жун, опустил глаза, скрывая истинные чувства, и изобразил на лице полное отчаяние.

— Зачем ты пришел! Тебе мало того, что ты погубил нашу семью?! — вскричал Жун Анькан. — Я был слеп, когда взял тебя на воспитание!

Супруги уже знали по своим каналам, что за крахом Клан Жун стоит именно Жун Чжэци. Они не хотели его видеть, бесконечно жалея о том, что когда-то по доброте душевной пригнали на груди змею.

Жун Чжэци, которому давно опротивела фальшивая маска Жун Анькана, холодно ответил:

— Господин президент, не нужно строить из себя святошу. Ты сам прекрасно знаешь, что творил в прошлом. Я пришел сюда не для того, чтобы слушать пустую болтовню. И не жди, что я буду кланяться тебе в ноги только потому, что ты из милости меня вырастил. Моя цель сегодня — заставить Жун Цзысюаня подписать бумаги о разводе.

— Ты! Неблагодарная тварь! — Жун Анькан так разволновался, что едва не получил сердечный приступ. Он с трудом сделал глубокий вдох, пытаясь успокоиться, и решил больше не обращать на него внимания.

— Папа, не злись, побереги здоровье, — Цан Мо поспешил успокоить Жун Анькана. Но любой видел, как сильно ранили Жун Цзысюаня жестокие слова Жун Чжэци. Он не хотел, чтобы Жун Чжэци и Цзи Сяонань потешались над ним, поэтому, несмотря на очевидную боль, собрал всю волю в кулак и твердо произнес:

— Жун Чжэци, меня ты можешь обижать, но папу — нет. Всем, чего ты добился, ты обязан ему. Если бы он не приютил тебя, не дал образование и стартовый капитал, где бы ты был сейчас? А как ты отплатил мне? Как отплатил семье Жун? Ты семь лет игнорировал мою преданность ради этого незаконнорожденного, на которого другие даже не взглянули бы, и использовал

дело всей жизни моей семьи как трамплин для карьеры.

Мало того, что ты выбросил нашу семью, как старую вещь, так ты еще и подстроил крах Клан Жун, чтобы вынудить меня подписать развод! Ты лишил работы тысячи людей, обрушил акции, из-за тебя столько инвесторов потеряли всё, а некоторые даже покончили с собой! Ты потерял совесть ради этого незаконнорожденного, которого не признает даже его собственный клан. Когда ты ложишься спать, вспоминая тысячи сотрудников, оставшихся без куска хлеба, и людей, которые прыгали с крыш из-за тебя, совесть тебя не мучает?!

Цан Мо намеренно пытался вызвать отвращение у этого мерзавца. Через терминал он давно узнал истинную причину: Жун Чжэци мстил, потому что семья Жун погубила его родителей. Цан Мо знал, что без доказательств Жун Чжэци не станет раскрывать карты. На самом деле, он даже знал, что тот тайно собирает улики, чтобы подать в суд и заставить семью Жун заплатить по счетам.

Едва Цан Мо закончил, Цзи Сяонань, который уже не мог молчать, выпалил:

— Жун Цзысюань, ты с ума сошел? Что ты несешь? Какое дело Ци до того, работают сотрудники или нет? Есть ли у тебя доказательства, что это он обанкротил Клан Жун? К тому же, если они потеряли работу или покончили с собой, это лишь значит, что ваша компания была некомпетентна и не оправдала их доверия. Они сами виноваты, что решили вам верить. Это их выбор. Кто просил их быть слепыми и не выбирать семьи Ци или Корпорацию Юйчжэ? И не волнуйся, пока я рядом с Ци, он спит по ночам очень крепко. Лучше подпиши бумаги и не цепляйся за него. Как бы ты ни тянул, он никогда тебя не полюбит, ты вызываешь у него только отвращение.

Услышав про «крепкий сон» Жун Чжэци, Цан Мо чуть не рассмеялся в голос. К счастью, его актерское мастерство было на высоте: он изобразил глубокое потрясение и растерянность, словно слова Цзи Сяонаня нанесли ему смертельный удар. С отчаянием в глазах он в последний раз посмотрел на Жун Чжэци:

— Ци, ты тоже так думаешь? Считаешь Клан Жун никчемным... веришь, что те люди заслужили свою участь... и чувствуешь ко мне только раздражение?

Цан Мо выглядел как глиняная стена, готовая рухнуть от одного прикосновения. Жун Чжэци понимал: стоит ему кивнуть, и Жун Цзысюань окончательно сломается. Сейчас его сердце принадлежало только Цзи Сяонаню. Несмотря на семь лет преданности, он не испытывал к Жун Цзысюаню ни капли жалости:

— Именно так. Подписывай бумаги. Разойдемся мирно, и с этого момента мы друг другу никто.

Ли Цинлянь, с болью в сердце обняв Цан Мо, мягко прошептала:

— Сынок, не цепляйся за этого бессердечного человека. Подпиши. Мама обязательно найдет

тебе мужчину, который будет в сто раз лучше и порядочнее его.

В глазах Цан Мо плескалась глубокая печаль. Он уставился на документы, брошенные на кровать, медленно протянул руку, взял их и какое-то время смотрел расфокусированным взглядом. Наконец, сделав несколько глубоких вдохов, он взял себя в руки и с решимостью в голосе выдвинул последнее требование, чтобы хоть немного сохранить достоинство:

— Верни пять процентов акций Клан Жун, которые мой отец подарил тебе на совершеннолетие. Съезжай из дома, в котором мы жили, и перепиши его на мое имя. Как только все это будет сделано, я подпишу.

Для Жун Чжэци акции Клан Жун теперь стоили не больше мусора на дороге. А с тех пор, как Жун Цзысюань узнал об их отношениях с Цзи Сяонанем, он и сам не возвращался в тот дом. Так что отдать акции и дом в обмен на подписанные бумаги о разводе было для него невероятно выгодной сделкой.

Жун Чжэци охотно пообещал, что завтра все будет готово, и, наконец, облегченно выдохнув, вместе со своим возлюбленным Цзи Сяонанем покинул палату. Он и не подозревал, какую ловушку расставил Цан Мо, и как глупо они в нее угодили.

<http://bllate.org/book/21243/2149054>